

Мангай умчу

Стоял ясный осенний день. Я играла возле чума*. Рядом мама шила торбазу** — сапоги из оленьих камусов***.

— Когда ты была маленькой, ты говорила разные смешные слова на своём языке, — вспомнила мама. — Например, «мангай умчу».

— А что это такое?

— Если находила ягодку голубики, сама не ела, несла мне. И кричала при этом: «Мангай умчу! Мангай умчу!»

— А-а-а, значит, я голубику так называла!

С маленькой деревянной кружкой я отправилась «мангай-умчулить». Вокруг чума словно голубой дымок

---

* Чум — переносной дом у кочевых народов Севера: каркас из жердей и покрытие, сшитое из оленьих шкур.

** Торбазá — сапоги с мягкой подошвой.

*** Камус — часть шкуры, снятой с ног животного.

вился по кустам — полным-полно было голубики, крупной, сладкой, с багряной мякотью под тонкой кожицей. Тропинки разбегались в разные стороны, ягодные кусты звали вперёд, и я отходила от чума всё дальше и дальше.

Вдруг позади меня кто-то часто и громко задышал. Я оглянулась: ой, кто это?! Огромная собака со светло-жёлтыми глазами бежала по моим следам. Я испугалась и, приговаривая: «Эй, уходи, чэт, чэт», — припустила по тропинке. Собака угрожающе ощерила длинные острые зубы. Она, видимо, почуяла запах барана-чубуку*. Из его шкуры была пошита моя шубка. Я заверещала и кинула в собаку комком земли. Она тоже испугалась, тихо повернулась и исчезла в кустах кедрового стланика.

Я собрала полную кружку вкусных голубых ягод. Вернувшись домой, угостила всех «мангай умчу» и рассказала о встрече с собакой.

— Такая большая! Чуть не укусила меня!

Брат попросил меня показать место, где я видела собаку. Посмотрев на её следы, он воскликнул:

---

* Чубукú (чубúk) — местное название снежного барана, обитающего в горах севера Якутии.

— Глупышка! Волка за собаку приняла!

Мама взяла мою шубку и, что-то таинственно шепча, подожгла краешек. Это было так смешно, что я не выдержала и расхохоталась.

На следующий день я снова пошла собирать «мангай умчу». Подражая матери, сделала вид, что тихонько приговариваю себе под нос, взяла спички и тоже подожгла край шубки. От палёной шерсти поднялся неприятный запах. Только после этого я решила отдалиться от чума.

Чтобы отпугнуть волка, я стала делать так каждый день. Но однажды случилось ужасное: огонь вспыхнул, я не успела его затушить, и шубка сгорела дотла. Мама сильно рассердилась и отстегала меня тонким прутиком. Мне было очень обидно, я плакала и кричала:

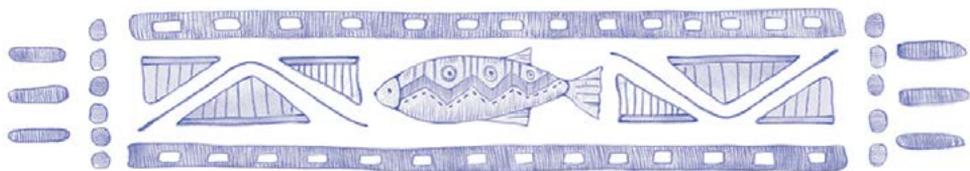
— Я не виновата! Шубка сама загорелась! Если б она не сгорела, я бы её наказала!

Взрослые почему-то рассмеялись.

— Ничего смешного! — рассердилась я вконец.

Вот ведь какие эти взрослые! Я осталась без шубки, мне попало от мамы, а они ещё и потешаются! Вот соберу много «мангай умчу» и ни за что не поделюсь с ними, никогда не поделюсь!

«Мамочка» Омни

Была у нас важенка* по имени Омни. Я не умела доить оленух, как мама, поэтому молоко мне разрешали сосать. Обняв Омни за задние ноги, я на несколько минут превращалась в маленького олешка-тугута. Молоко было вкусное и пахло оленьим мхом ягелем. Родные говорили:

— Омни твоя мамочка!

Потом важенка постарела. Ноги у неё стали больные, она уже не могла ходить под уздечкой. Колени постоянно обдирались. Мама пыталась помочь Омни, но упрямую болезнь не брали никакие лекарства. Важенка теперь не гуляла со стадом, а бродила возле чума. Я жалела «мамочку» и после обеда делилась с ней лепёшкой. Омни быстро съедала свою половину и, заглядывая мне в глаза, снова тыкалась в мою ладонь...

---

* Ва́женка — самка северного оленя.

Как-то раз Омни гуляла на травяном пригорке. Я, как всегда, припасла для неё половинку лепёшки. Иду и вижу: Омни дерётся с большой худющей собакой. Я закричала что было сил, а когда увидела, что бок важеньки красный и с него свисают клочья разорванной шерсти, закричала ещё сильнее. Подбежала и кинула в дерущихся горсть мелких камней.

Вдруг послышался выстрел, и я упала от неожиданности. Из-за пригорка вышла мама с ружьём в руках и сказала сердито:

— Что за бессовестный волчище! Уже возле жилья на оленя напал!

Волк отползал в кусты. Мама снова выстрелила, и он перестал шевелиться. Омни, еле переставляя ноги, двинулась к нам. Я радостно бросилась ей навстречу, но мама поймала меня и закрыла рукой мне глаза, шепча в ухо:

— Не смотри, доченька, не смотри...

Я закричала и принялась выдираться из её рук, а мама упорно тащила меня в чум. Лёжа на расстеленных там шкурах, я плакала до тех пор, пока не уснула...

— Омни больше нет с нами, — сказали мне утром.

Я уже знала об этом, но непослушные слёзы тут же закапали.

На улице висела волчья шкура. Я схватила нож и давай её колоть:

— Вот тебе, вот! Из-за тебя не стало Омни!

Немного успокоившись, я долго стояла и молча глядела на пригорок, где только вчера гуляла моя важенка. Потом я часто приходила туда с лепёшкой, делила её надвое. Сначала съедала свою половинку, а после, плача, — половинку «мамочки» Омни...

